

Dickens, Ch.

НАШЪ ОБЩІЙ ДРУГЪ

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

1842-1850

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

(КАТКОВЪ и К°.)

1865.

6

MILIUKOV LIBRARY

НАШЪ ОБЩІЙ ДРУГЪ 1865

PR4568
A6R87

V. 2
M 101

ЧАСТЬ П.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

І. Жильцы въ Несостоятельной улицѣ.

Туманный день былъ въ Лондонѣ, и туманъ стоялъ густой и темный. Одушевленный Лондонъ, съ болящими глазами и раздраженными легкими, щурился, соѣлъ и задыхался; неодушевленный Лондонъ стоялъ какъ призракъ покрытый копотью, долженствовавшій быть и видимымъ, и невидимымъ вмѣстѣ, и потому не бывшій ни тѣмъ, ни другимъ. Газовые рожки мерцали въ лавкахъ съ видомъ изнуреннымъ и несчастнымъ, какъ бы сознавая себя существами ночными, которыми ни до чего дѣла нѣтъ, пока солнце на небѣ; солнце же между тѣмъ, по временамъ на нѣсколько мгновений ясно обозначавшееся въ кружившихся струяхъ тумана, представлялось какъ бы угасшимъ, грустно и зябко съежившимся. Даже въ окрестностяхъ города день былъ туманный; но тамъ туманъ стоялъ сѣрый, между тѣмъ какъ въ Лондонѣ, въ крайнихъ оконечностяхъ города, онъ былъ темножелтый; далѣе, внутрь, онъ былъ бурый, затѣмъ все бурѣе и бурѣе, пока въ сердцѣ Лондонскаго Города, то-есть въ Сентъ-Мери-Аксѣ, не превращался въ ржаво-черный. Съ любой возвышенной точки земли на сѣверѣ можно было бы видѣть какъ самыя высокія строенія отъ времени до времени усиливались выставить свои головы надъ туманнымъ моремъ, и какъ огромный куполъ церкви Св. Павла, повидимому, умиралъ въ осо-

374351

бенности тяжко; но этого нельзя было замѣтить у ихъ основанія, на улицахъ, гдѣ вся столица являлась кучею испареній, наполненною глухимъ стукомъ колесъ и одержимою гигантскимъ катарромъ.

Въ девять часовъ такого утра, торговый домъ Побсей и К^о казался не изъ самыхъ веселыхъ даже въ Сентъ-Мери-Аксѣ, мѣстечкѣ не очень веселаго свойства, со всхлипывавшимъ газовымъ рожкомъ въ окнѣ конторы и съ воровскою струей тумана, вползавшаго въ замочную скважину входной двери, чтобы задушить его. Но огонь погасъ, входная дверь открылась, и вышелъ Райя съ мѣшкомъ подъ мышкою.

Почти тотчасъ же на самомъ выходѣ изъ двери Райя погрузился въ туманъ и исчезъ для глазъ Сентъ-Мери-Акса. Но глаза этой повѣсти могутъ слѣдить за нимъ по улицамъ Корнгиль, Чипсайдъ, Флидъ-Стритъ и Страндъ, вплоть до Пиккадилли и Албени. Туда шелъ онъ спокойными, размѣренными шагами, съ посохомъ въ рукѣ, съ лапами до пятъ, и не одна голова, обернувшись назадъ взглянуть на эту достопочтенную фигуру уже исчезнувшую въ туманѣ, думала, что это какая-нибудь обыкновенная, только неясно разсмотрѣнная фигура, которой воображеніе и туманъ придали особенный видъ.

Подойдя къ дому, гдѣ находилась, во второмъ этажѣ, квартира его хозяина, Райя взшелъ на лѣстницу и остановился у двери Обаятельнаго Фледжби. Не дотрогиваясь ни до звонка, ни до скобы, онъ постучалъ въ дверь набалдашникомъ своего посоха и, прислушавшись, сѣлъ на порогъ. Что-то особенное являлось въ обычной его покорности, съ которою онъ сидѣлъ на холодной и темной лѣстницѣ, какъ многіе изъ его предковъ, вѣроятно, сживали въ темницахъ, готовый принять безотвѣтно все что ни выпало бы ему на долю.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда онъ прозябъ до того, что готовъ былъ дуть себѣ въ кулаки, онъ всталъ и постучалъ посохомъ снова, и прислушался снова, и снова сѣлъ дожидаться. Трижды повторилъ онъ всѣ эти дѣйствія, прежде чѣмъ настороженные уши его были привѣтствованы голосомъ Фледжби, закричавшимъ съ постели: „Перестаньте стучать! Сейчасъ отопру!“ Но вмѣсто того чтобы сейчасъ отпереть, онъ опять заснулъ сладкимъ сномъ на четверть часика; а Райя, между тѣмъ, все сидѣлъ на лѣстницѣ и ждалъ съ совершеннымъ терпѣніемъ.

Наконецъ, дверь отворилась, и ударившаяся въ бѣгство ночная драпировка мистера Фледджи снова нырнула въ постель. Слѣдуя за нею въ почтительномъ разстояніи, Райя вступилъ въ спальню, гдѣ еще до этого былъ разведенъ огонь и теперь горѣлъ жарко.

— Что это, въ который часъ ночи вы рѣшились пожаловать? спросилъ Фледджи, отворачиваясь подъ одеялами и выставляя комфортабельно закутанный бастіонъ плеча издрогнувшему старику.

— Сэръ, теперь уже полчаса десятого утра.

— Чортъ возьми! Туманъ что ли такой страшный?

— Сильный туманъ, сэръ.

— И свѣжо, слѣдовательно?

— Холодно, сказалъ Райя, вынувъ платокъ и отирая сырость съ бороды и длинныхъ свѣдыхъ волосъ, въ то время какъ, ставъ на краешекъ предкаминнаго коврика, онъ смотрѣлъ на привлекательное пламя.

Нѣжась въ постели, Фледджи еще болѣе закутался.

— Что тамъ, свѣтъ, гололедица, слякоть, или что-нибудь въ этомъ родѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ. До этого не дошло, и еще не такъ дурно. Улицы довольно чисты.

— Ну, полно вамъ хвастаться, возразилъ Фледджи, обманувшійся въ желаніи увеличить контрастъ между своею постелью и улицами. — Вы вѣчно чѣмъ-нибудь хвастаетесь.... Книжки принесли?

— Вотъ онѣ, сэръ.

— Ладно. Минутку-другую, и я соображу въ умѣ все дѣло, а вы пока повыпростаите вашъ мѣшокъ и все мнѣ подготовьте.

Еще разъ комфортабельно нырнувъ, Фледджи заснулъ снова. Старикъ, исполнивъ его приказаніе, свѣлъ на краешекъ стула, сложилъ на груди руки, и постепенно уступая дѣйствию тепла, задремалъ. Онъ очнулся только тогда, когда мистеръ Фледджи явился стоящимъ у кровати, въ турецкихъ туфляхъ, въ турецкихъ шароварахъ розоваго цвѣта (дешево прибрѣтенныхъ отъ кого-то, кто самъ стянулъ ихъ съ кого-то другаго за ничто), въ халатѣ и шапочкѣ подстать.

— Ну, старый! крикнулъ Обаятельный, малодушно издѣваясь: — что вы тамъ лукавите, сидя съ закрытыми глазами. Вѣдь вы не спите. Еврея, что хорька, соннаго не захватишь.

— По истинѣ, сэръ, я вздремнулъ немного, сказалъ старикъ.

— Не таковскій вы человекъ! подхватилъ Фледджи, лукаво поглядывая.— Другимъ сказывайте сказки, а меня на сказки не поддѣнешь. Впрочемъ, уловка недурная: ни о чемъ, кажется, человекъ не думаетъ, сну предается, а между тѣмъ въ это самое время думаетъ какъ бы дѣльце обдѣлать, деньгу зашибить. Хитрецъ!

Старикъ покачалъ головою, кротко отвелъ отъ себя плечъ, подавилъ вздохъ и подошелъ къ столу, за которымъ мистеръ Фледджи наливалъ себѣ чашку дымящагося благоуханнаго кофе изъ кофейника, стоявшаго въ готовности на каминномъ наличникѣ. Назидательное зрѣлище представляли— молодой человекъ, въ мягкихъ креслахъ, пьющій кофе, и старикъ съ наклоненною сѣдою головою, стоящій въ ожиданіи его приказаній.

— Ну! сказалъ Фледджи.— Подавайте-ка весь вашъ балансъ, сколько есть на лицо, да объясните цифрами, почему онъ не больше. А прежде всего засвѣтите свѣчу.

Райя повиновался, и потомъ вынулъ мѣшокъ изъ-за пазухи и сославшись на сумму показанную въ счетахъ, по которымъ деньги вносились, отсчиталъ ихъ на столѣ. Фледджи пересчиталъ ихъ снова съ большою заботливостью, и позвонилъ каждымъ sovereignомъ.

— Я полагаю, сказалъ онъ, взявъ одинъ изъ нихъ и внимательно его разсматривая,—вы ни въ одномъ не поубавили вѣсу: впрочемъ, это дѣло вашего племени. Сами знаете. Вѣдь вы понимаете что значить червончикъ повытравить; такъ, что ли?

— Столько же какъ и вы, сэръ, отвѣтилъ старикъ, спрятавъ обѣ руки, каждую подъ широкій обшлагъ другой, въ то время какъ, стоя у стола, онъ почтительно смотрѣлъ въ лицо своего хозяина.— Позвольте ли вы мнѣ кое-что сказать вамъ?

— Говорите, милостиво согласился Фледджи.

— Не смѣшиваете ли вы, сэръ,—безъ намѣренія, разумѣется, безъ всякаго намѣренія,—не смѣшиваете ли вы иногда ту честную должность, которую я у васъ занимаю, съ тѣмъ характеромъ, который я по расчетамъ вашимъ долженъ принимать на себя.

— У меня нѣтъ досужаго времени разбирать вещи до такой тонкости, холодно отвѣчалъ Обаятельный.

— Нѣтъ, изъ справедливости!

— Убирайтесь съ справедливостью, сказалъ Фледджи.

— Нѣтъ, изъ великодушія?

— Жиды и великодушіе! сказалъ Фледджи.— Вотъ хорошее сочетаніе! Доставьте-ка росписки и не говорите мнѣ іерусалимскаго вздору.

Росписки были представлены, и въ теченіе послѣдовавшаго получаса мистеръ Фледджи сосредоточивалъ на нихъ все свое высокое вниманіе. Онъ, такъ же какъ и счеты, были совершенно вѣрны, и потому книги и всѣ бумаги снова заняли свое мѣсто въ мѣшкѣ.

— Теперь, сказалъ Фледджи, — относительно вексельной отрасли дѣла, отрасли, которая мнѣ больше другихъ нравится. Есть ли какіе несостоятельные векселя въ продажѣ, и каковы цѣны? Составили ли вы списокъ цѣнамъ на рынкѣ?

— Длинный списокъ, сэръ, отвѣчалъ Райя, вынимая бумажникъ и выбирая изъ него сложенную бумагу, которая, бывъ развернута, представилась большимъ листомъ, мелко исписаннымъ.

Фледджи, принимая бумагу изъ рукъ Райя, свиснулъ.

— Несостоятельная улица полна жильцовъ въ настоящую минуту! Все это продается пачками, такъ ли?

— Пачками, какъ означено, отвѣчалъ старикъ, смотря черезъ плечо своего хозяина, — или огуломъ.

— Половина огульнаго количества будетъ ни къ чему негодная бумага. Это можно напередъ знать, сказалъ Фледджи. — Не можете ли вы приобрести ихъ по цѣнѣ негодной бумаги? Вотъ вопросъ.

Райя покачалъ головой, и Фледджи обратилъ свои глазки на списокъ. Они тотчасъ же заблестѣли; а онъ, какъ только созналъ что они заблестѣли, взглянулъ вверхъ, чрезъ плечо, на спокойное, надъ нимъ находившееся лицо, и перешелъ къ камину. Обративъ его наличникъ въ конторку, онъ сталъ спиной къ старику, грѣя свои колѣни, и принялся спокойно просматривать списокъ, часто возвращаясь къ прочтеннымъ строкамъ, какъ будто въ нихъ заключалось что-нибудь особенно интересное. Каждый разъ при этомъ онъ взглядывалъ въ зеркало надъ каминомъ чтобы посмотреть, наблюдаетъ ли за нимъ старикъ. Въ послѣднемъ ничего

подобнаго нельзя было замѣтить; онъ, знакомый съ подозрительностью своего хозяина, стоялъ потупивъ глаза.

Мистеръ Фледджи былъ такимъ образомъ пріятно занятъ, какъ слышались шаги у наружной двери, и стало слышно, что дверь быстро отворилась.

— Слышите? Это ваше дѣло, туфля вы израильская, сказалъ Фледджи,—вы ее не заперли.

Затѣмъ шаги слышались внутри квартиры, и раздался громкій голосъ мистера Алфреда Ламмля:

— Тутъ ли вы гдѣ-нибудь, Фледджи?

На что Фледджи, приказавъ тихимъ голосомъ Райя поддакивать всему что будетъ имъ сказано, отвѣтилъ: „Я здѣсь!“ и отворилъ дверь спальни.

— Войдите, сказалъ Фледджи.—Этотъ джентльменъ не болѣе какъ агентъ фирмы Побсей и К^о, изъ Сентъ-Мери-Акса, съ которымъ я стараюсь придти къ какому-нибудь соглашенію насчетъ одного моего несчастнаго друга по дѣлу нѣкоторыхъ несостоятельныхъ векселей. Но, правду сказать, Побсей и К^о до того строги къ своимъ должникамъ и до того трудно соглашаются на предложеніе, что мнѣ кажется я напрасно трачу время. Не могу ли я сдѣлать хоть *какихъ-нибудь* условій съ вами относительно моего друга, мистеръ Райя?

— Я только представитель другаго, сэръ, отвѣчалъ Еврей тихимъ голосомъ.—Я дѣйствую какъ мнѣ велитъ мой хозяинъ. Не мой капиталъ помѣщенъ въ этомъ дѣлѣ, и моей выгоды тутъ нѣтъ никакой.

— Ха, ха, ха! засмѣялся Фледджи.—Ламмль?

— Ха, ха, ха! засмѣялся Ламмль.—Да.... Конечно.... Знаемъ мы васъ.

— Дьявольски хорошо, не правда ли, Ламмль? сказалъ Фледджи, невыразимо потѣшаясь замаскированной шуткой.

— Всегда одинаковы, всегда одинаковы! сказалъ Ламмль.— Мистеръ....

— Райя, Побсей и К^о, въ Сентъ-Мери-Аксѣ, вставилъ Фледджи, отирая слезы, катившіяся изъ глазъ, до того велико было наслажденіе его этою замаскированной шуткой.

— Мистеръ Райя обязанъ соблюдать непреложныя формы, для такихъ случаевъ назначенныя и установленныя, сказалъ Ламмль.

— Онъ только представитель другаго! вскричалъ Фледджи.—Дѣйствуетъ какъ ему велитъ его хозяинъ! Не его ка-

питаль помѣщенъ въ этомъ дѣлѣ! О, это, отлочно! Ха, ха, ха, ха!

Мистеръ Ламмъ тоже хохоталъ и показывалъ видъ человека понимающаго, и чѣмъ болѣе оба они хохотали, тѣмъ превосходнѣе становилась замаскированная шутка для мистера Фледжби.

— Однакоже, сказалъ Обаятельный джентльменъ, снова отирая свои глаза,—если мы станемъ продолжать такимъ образомъ, то, пожалуй, можетъ показаться, что мы тругимъ надъ мистеромъ Райей, или надъ Побсей и К^о, или надъ кѣмъ бы то ни было, чего у насъ и на умѣ нѣтъ. Мистеръ Райя, сдѣлайте милость, побудьте въ соседней комнатѣ нѣскольکو минутъ, пока я переговорю здѣсь съ мистеромъ Ламмъ. Я попытаюсь еще разъ придти къ соглашенію съ вами прежде чѣмъ вы уйдете.

Старикъ, ни разу не поднявшій глазъ все время пока продолжалась шутка мистера Фледжби, молча поклонился и вышелъ въ дверь, которую Фледжби отворилъ для него. Затворивъ ее потомъ, Фледжби возвратился къ мистеру Ламмау, стоявшему спиной къ камину, заложивъ одну руку подъ фалды своего фрака, и собравъ въ другую всѣ свои бакенбарды.

— Го-го-го! сказалъ Фледжби.—Что-нибудь не такъ.

— Почему вы это знаете? спросилъ Ламмъ.

— Видомъ вашимъ открываете, отвѣчалъ Фледжби, ненамѣренно риемуя.

— Правда, сказалъ Ламмъ,—дѣйствительно, кое-что не такъ; все дѣло не такъ.

— Чтò вы говорите! возразилъ Фледжби, очень медленно, и сѣлъ спиной къ камину, положивъ руку на колѣни и выпучивъ глаза на своего друга.

— Я вамъ говорю, Фледжби, повторилъ Ламмъ, поводя правою рукой,—все дѣло не такъ. Птичка улетѣла.

— Какая птичка улетѣла? спросилъ Фледжби, такъ же медленно какъ и прежде, но гораздо суровѣе.

— Извѣстная птичка. Наша птичка. Прочтите это.

Фледжби взялъ записку изъ его протянутой руки, и прочиталъ ее вслухъ:

„Алфредъ Ламмъ, эсквайръ. — Сэръ, позвольте мистрисъ Подсепъ и мнѣ выразить вамъ нашу общую признательность за вѣжливое вниманіе, которое мистрисъ Ламмъ и

вы оказывали нашей дочери, Джорджіанѣ. Позвольте намъ отказаться отъ этого на будущее время, и при этомъ передать вамъ наше рѣшительное желаніе, чтобъ оба дома, вашъ и нашъ, были совершенно чужды одинъ другому. Имѣю честь быть, сэръ, вашимъ покорнѣйшимъ слугой. Джонъ Подснапъ.“

Фледджи посмотрѣлъ на три бѣлыя страницы записки такъ же долго и пристально, какъ смотрѣлъ на выразительную первую страницу, а потомъ посмотрѣлъ на Ламмля, который, въ отвѣтъ ему, опять широко повелъ своею правою рукой.

— Чье же это дѣльцо? сказалъ Фледджи.

— Придумать не могу, сказалъ Ламмль.

— Можетъ-быть, замѣтилъ Фледджи, подумавъ съ недовольнымъ выраженіемъ:—кто-нибудь худо отозвался объ васъ.

— Или объ васъ, сказалъ Ламмль, еще болѣе нахмурившись.

У мистера Фледджи готовилось сорваться съ языка какое-то мятежное выраженіе, какъ рука его случайно коснулась его носа. Нѣкоторое воспоминаніе, соединенное съ этою чертою лица, послужило своевременнымъ предостереженіемъ; онъ благоразумно взялся за нее большимъ и указательнымъ пальцами и задумался. Ламмль, между тѣмъ, смотрѣлъ на него воровскими глазами.

— Чтѣ дѣлать! сказалъ Фледджи. — Разговоромъ этого не поправишь. Если узнаемъ кто это разстроилъ, такъ мы съ тѣмъ развѣдаемся. Въ заключеніе можно сказать только то, что мы взялись за дѣло, исполненію котораго воспрепятствовали обстоятельства.

— И что вы взялись за дѣло, которое могли бы исполнить есlibы дѣятельнѣе воспользовались обстоятельствами, про-рычалъ Ламмль.

— Э! Да вѣдь это, замѣтилъ Фледджи, засунувъ руки въ турецкія шаровары:—какъ кто думаетъ.

— Мистеръ Фледджи, сказалъ Ламмль сварливымъ тономъ,—понимать ли мнѣ это, что вы относите вину ко мнѣ или намекаете, что недовольны мною въ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, сказалъ Фледджи,—въ предположеніи, что вы принесли съ собою въ карманъ мою росписку и возвратите мнѣ ее.

Ламмль съ неохотою досталъ ее. Фледджи осмотрѣлъ ее, удостоверился въ ея подлинности, скомкалъ ее и бросилъ въ

огонь. Оба они смотрѣли какъ она вспыхнула, какъ погасла, и какъ пушистый пепелъ ея взлетѣлъ въ трубу.

— *Теперь*, мистеръ Фледджи, сказалъ Ламмль прежнимъ тономъ, — такъ ли мнѣ понимать дѣло, что вы относите вину ко мнѣ, или намекаете, что недовольны мною въ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, сказалъ Фледджи.

— Рѣшительно и безусловно нѣтъ?

— Да.

— Фледджи, пожмите мнѣ руку.

Мистеръ Фледджи пожалъ ему руку, сказавъ: — А если мы когда-нибудь узнаемъ кто все это разстроилъ, такъ мы съ тѣмъ развѣдаемся. Позвольте мнѣ сказать вамъ самымъ дружескимъ образомъ еще одну вещь. Я не знаю вашихъ обстоятельствъ и не спрашиваю о нихъ. Вы понесли здѣсь потерю. Множество людей подвергаются иногда затрудненіямъ, и вы можете подвергнуться имъ, а можете и не подвергнуться. Но что бы вы ни дѣлали, Ламмль, не попадайтесь, не попадайтесь, я васъ прошу, не попадайтесь въ руки Побсей и К^о, что въ соседней комнатѣ. Это сутяги, истинные обдиралы и сутяги, мой любезный Ламмль, повторилъ Фледджи съ особеннымъ смакомъ: — они сдерутъ съ васъ кожу по дюймамъ, съ заправка до подошвы, и каждый дюймъ вашей кожи изотрутъ въ зубной порошокъ. Вы видѣли какъ мистеръ Райя. Не попадайтесь ему въ руки, Ламмль; прошу васъ какъ другъ.

Мистеръ Ламмль, проявляя нѣкоторое опасеніе при торжественности столь усерднаго увѣщанія, спросилъ за коимъ чортомъ попадать ему когда-нибудь въ руки Побсей и К^о.

— Признаюсь вамъ, я былъ нѣсколько обезпокоенъ, сказалъ откровенный Фледджи, взглядомъ, который кинулъ на васъ этотъ Жидъ, когда услышалъ ваше имя. Мнѣ глаза его не понравились. Но можетъ-статься это только пылкое воображеніе друга. Само собою разумѣется, если вы не выдавали на себя какого-нибудь документа, и если таковой не могъ попасть ему въ руки, то это только одно мое воображеніе. Все-таки мнѣ взглядъ его не понравился.

Обезпокоенный Ламмль, съ извѣстными бѣлыми пятнами начавшими появляться и исчезать на его дрожавшемъ носу, имѣлъ видъ какъ будто бы его пощипывалъ какой-нибудь бѣсенокъ. Фледджи, наблюдавшій за нимъ съ подергиваніемъ

въ своемъ подломѣ лицѣ, исполнявшимъ у него обязанность улыбки, казался очень похожимъ на такого бѣсенка.

— Я, однакоже, не могу задерживать его слишкомъ долго, сказалъ Фледджи:—не то онъ выместитъ на моемъ несчастномъ другѣ. — Что ваша умная и пріятная супруга? Знаетъ ли она о нашей неудачѣ?

— Я показывалъ ей письмо.

— Очень удивлена? спросилъ Фледджи.

— Полагаю, она удивилась бы еще больше, отвѣчалъ Ламмль, —еслибы въ васъ было побольше расторопности.

— О! Значитъ, она относитъ это ко мнѣ?

— Мистеръ Фледджи, я не позволю, чтобы мои слова перетолковывались.

— Не сердитесь, Ламмль, убѣждалъ Фледджи, покорнымъ тономъ,—нѣтъ къ тому никакого повода. Я только предложилъ вопросъ. Значитъ, она ко мнѣ этого не относитъ, если позволите еще спросить?

— Нѣтъ, сэръ.

— Прекрасно, сказалъ Фледджи, убѣждаясь въ противномъ.—Засвидѣтельствуйте же ей мое почтеніе. Прощайте!

Они пожали другъ другу руку, и Ламмль вышелъ въ раздумьи. Фледджи проводилъ его до тумана, и возвратившись къ камину, присѣлъ къ нему съ задумчивымъ лицомъ и вытянулъ ноги въ розовыхъ турецкихъ шароварахъ, широко разставивъ ихъ и созерцательно согнувъ колѣни, какъ будто бы готовился стать на нихъ.

— У васъ пара бакенбардъ, Ламмль, которыя мнѣ никогда не нравились, бормоталъ онъ,—и какихъ за деньги не купишь; вы хвастаетесь своими манерами и своимъ краснорѣчіемъ; вы хотѣли потянуть меня за носъ, вы меня затащили въ глупую неудачу, и ваша жена говоритъ, что я же и причина. Такъ я же подкошу васъ. Непремѣнно, хотя у меня и нѣтъ бакенбардъ (тутъ онъ потеръ мѣсто гдѣ имъ слѣдовало быть), нѣтъ манеръ, нѣтъ краснорѣчія!

Облегчивъ такимъ образомъ свой благородный умъ, онъ сдвинулъ ноги въ турецкихъ шароварахъ, выпрямилъ ихъ въ колѣнкахъ и крикнулъ Райфѣ въ сосѣднюю комнату.—„Го-го-го, эй вы, сэръ!“ При видѣ старика, вошедшаго съ кротостью, совершенно противоположною той аттестаціи, которая только-что была дана ему, мистеръ Фледджи снова предался хохоту, и

воскликнулъ—Хорошо! хорошо! Клянусь душой, необыкновенно хорошо!

— Ну, старый, продолжалъ Фледджи, когда весь хохотъ его выкатился,—вы купите всѣ папки, которыя я отмѣчу карандашомъ, вотъ черточка, вотъ черточка и вотъ черточка, и я готовъ два пенса прозакладывать, что вы потомъ невыжмете этихъ христіанъ какъ суцій Еврей. Теперь вамъ нуженъ чекъ;* вы непременно скажете нуженъ, хотя у васъ у самихъ есть достаточный капиталецъ гдѣ-то, никто только не знаетъ гдѣ, и вы скорѣе согласитесь, чтобы васъ посолити, пересыпали перцемъ и прожарили на рѣшеткѣ чѣмъ узнаете въ этомъ. Чекъ я вамъ напишу.

Онъ отперъ выдвинутый ящикъ и досталъ изъ него ключъ чтобы отпереть имъ другой ящикъ, изъ котораго взялъ другой ключъ, и отперъ еще одинъ ящикъ, гдѣ находилась чекъ-книжка. Потомъ онъ написалъ чекъ, и давъ обратный ходъ ключамъ и ящикамъ и снова спрятавъ книжку въ безопасное мѣсто, подалъ знакъ старику свернутымъ чекомъ подойти и принять его.

— Старый, сказалъ онъ, въ то время какъ Еврей, положивъ чекъ въ бумажникъ, опускалъ этотъ послѣдній въ боковой карманъ своей верхней одежды:—о моихъ дѣлахъ пока довольно. Теперь нѣсколько словъ о дѣлахъ, которыя еще не совсѣмъ мои. Гдѣ она?

Райя, не успѣвъ вынуть руки изъ-подъ своей одежды, вздрогнулъ и остановился.

— Ого! сказалъ Фледджи.—Этого не ожидали! Куда вы ее запрятали?

Старикъ, показывая видъ, что его захватили врасплохъ, взглянулъ на своего хозяина съ мимолетнымъ замѣшательствомъ, и это доставило его хозяину неописанное наслажденіе.

— Ужь она не въ домѣ ли, который я нанимаю и за который плачу подати, въ Сентъ-Мери-Аксъ? спросилъ Фледджи.

— Нѣтъ, сэръ.

* Cheque — приказъ на банкъ. Англіійскіе банки всѣмъ своимъ вкладчикамъ выдаютъ печатныя бланковыя книжки. На бланкахъ обыкновенно значится: Банку (такому-то). Предъявителю сего казначей банка выплатить (слѣдуетъ пробѣлъ). Вкладчикъ вписываетъ въ пробѣлъ сумму, самъ подъ нею подписывается, и бланки становятся чекомъ, по которому всякій, имѣющій его въ рукахъ, можетъ получить деньги изъ поименованнаго банка.

— Въ саду что ли на кровлѣ этого дома, взшла туда чтобы въ мертвомъ состояніи находиться, или въ чемъ бы тамъ ни состояла ваша забава? спросилъ Фледджи.

— Нѣтъ, сэръ.

— Гдѣ же она?

Райя опустилъ глаза, какъ бы соображая можетъ ли онъ отвѣчать на вопросъ, не нарушая истины, и потомъ тихо возвелъ ихъ на лицо Фледджи, какъ бы убѣдившись, что не можетъ.

— Такъ и быть! сказалъ Фледджи.—Я теперь не буду на этомъ настаивать. Но я хочу знать это, и узнаю; помните. Что вы это такое затѣяли?

Старикъ съ извиняющимся движеніемъ своей головы и своихъ рукъ, какъ бы не понимая значенія словъ своего хозяина, обратилъ на него взоръ безмолвнаго вопроса.

— Вѣдь вы не какой-нибудь волокита, сказалъ Фледджи.— Вѣдь вы патріархъ. Карта избитая, засаженная. Не влюблены же вы въ Лизу.

— О, сэръ! увѣщевалъ Райя.—О, сэръ, сэръ!

— Зачѣмъ же, возразилъ Фледджи, съ легкимъ отгѣнкомъ краски въ лицѣ,—зачѣмъ не хотите сказать причины, зачѣмъ вы въ эту похлебку опустили вашу ложку.

— Сэръ, я скажу вамъ правду. Но.... извините, что заговариваюсь.... я передамъ ее вамъ какъ священную тайну и на условіяхъ строжайшей чести.

— Чести, туда же! вскрикнулъ Фледджи съ насмѣшкою на губахъ.—Чести у Жидовъ. Ну, хорошо. Разказывайте.

— По чести, сэръ? продолжалъ договариваться Райя съ почтительною твердостью.

— Само собою разумѣется. По чести несомнѣнной, сказалъ Фледджи.

Старикъ, ни разу не приглашенный сѣсть, стоялъ крѣпко держась рукою за спинку мягкихъ креселъ молодого человека. Самъ же молодой человекъ сидѣлъ у камина съ выраженіемъ любопытства, готовый подловить и прервать его на неправдѣ.

— Разказывайте, сказалъ Фледджи.—Начните съ побудительныхъ причинъ.

— Сэръ, у меня нѣтъ причинъ кромѣ желанія помочь безпомощной.

Мистеръ Фледджи могъ выразить свое чувство вслѣдствіе та-

кого невѣроятнаго показанія, лишь необыкновенно продолжительнымъ насмѣшливымъ сапомъ.

— Какъ я узналъ и почему сталъ уважать и почитать эту дѣвушку, я уже говорилъ вамъ, когда вы видѣли ее въ моемъ бѣдномъ садикѣ на крышѣ дома, сказалъ Еврей.

— Говорили? сказалъ Фледджи недовѣрчиво. — Пусть себѣ такъ. Можетъ-быть и говорили.

— Чѣмъ болѣе я узнавалъ ее, тѣмъ болѣе принималъ участія въ ея судьбѣ. Я нашелъ ее въ несчастной обстановкѣ: самолюбивый и неблагодарный братъ, непріятный ей искалѣкъ ея руки, сѣти болѣе сильнаго обожателя, слабость ея собственнаго сердца.

— Значить, къ одному изъ молодцовъ она равнодушна?

— Сэръ, съ ея стороны было очень естественно склониться на сторону одного изъ нихъ, потому что онъ имѣлъ многія и большія преимущества. Но онъ не одного съ нею званія, и не имѣлъ намѣренія жениться на ней. Опасности вокругъ нея собирались, когда я, какъ вы сами сказали, сэръ, старый и дряхлый, такъ что нельзя заподозрить во мнѣ какое-нибудь другое чувство кромѣ отцовскаго, вступился и посовѣтовалъ ей бѣжать. Я говорилъ ей: „Дочь моя, бываетъ пора такой опасности, что вся добродѣтель наша въ томъ только и состоятъ можетъ, чтобы поскорѣе бѣжать прочь.“ Она отвѣчала, что это уже приходило ей на мысль; но куда бѣжать безъ помощи она не знала, а помощниковъ не было. Я указалъ ей человѣка, который могъ ей пособить: человѣкъ этотъ былъ я. И она бѣжала.

— Какъ же вы распорядились ею? спросилъ Фледджи ошупывая свою щеку.

— Я помѣстилъ ее, сказалъ старикъ, — далеко отсюда (онъ спокойно и плавно раздвинулъ свои руки въ обѣ стороны во всю длину ихъ), далеко отсюда; она поселилась между извѣстными мнѣ людьми нашего племени, гдѣ ея трудолюбіе послужить ей въ пользу, и она будетъ избавлена отъ опасностей съ какой бы то ни было стороны.

Глаза Фледджи отвернулись отъ камина чтобы взглянуть на движеніе его рукъ, когда онъ сказалъ: „далеко отсюда.“ Фледджи попробовалъ (и очень неудачно) передразнить это движеніе, и покачавъ головой, сказалъ: — Я помѣстилъ ее вонъ тамъ, далеко.... Ахъ, старый лукавецъ!